

комплекс естествознанию?! В советское время наша философия науки была по преимуществу «служанкой науки», исповедовала сциентизм, т. е. культ святого естествознания. Полагаю, нынешняя метафизика и философия науки должны, как и в Западной Европе, стать суровой «критикой науки».

Метафизика как «антидиалектика» (в гегелевско-марксистском смысле этого понятия) меня мало увлекает, и я не являюсь ее сторонником. Одни философы-рационалисты однозначно отождествляют человека с разумом, другие, сенсуалисты, – с чувствами, третьи, волюнтаристы, – исключительно с волей, четвертые, фрейдисты, – с сексуальным началом и т. д. Но ведь на самом деле человек есть диалектическое единство всех этих упомянутых его способностей (разума, чувств, воли, веры, воображения и т. д.). Мне импонирует диалектическая метафизика, унаследованная от Гераклита, Сократа, Платона, Аристотеля, Николая Кузанского, Гегеля и др. Чтобы как-то формализовать диалектическую метафизику, я придумал для нее особый алгоритм, состоящий из диад, триад, тетрад и эннеад. Применяя в метафизических исследованиях предложенный алгоритм, можно получать новые философские результаты³⁷. Так что у метафизики, полагаю, есть неплохие перспективы ее творческого развития.

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ, ИЛИ ФИЛОСОФИЯ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ ОКОЛОСОВРЕМЕННОСТИ **В. В. Скоробогачкий**

Заставкой к моему выступлению могли бы стать кадры из кинофильма Тарковского, где сталкер бредет по разрушенной Зоне, ориентируясь не то на траекторию полета гайки с хвостом из бинта, не то на показания внутренних чувств, сигнализирующих об опасности. Пикник на обочине – может быть, не самое подходящее к атмосфере юбилея, но точное обозначение той ситуации около-современности, в которой находится сегодня юбиляр – бывший философский факультет и собственно философия в городе и его культурных окрестностях.

Если, обращаясь к советскому прошлому, к 1970-м и 1980-м годам, сравнить культурную атмосферу, ее состояние и качество в Свердловске, с одной стороны, в Челябинске и Перми, с другой, нетрудно прийти к выводу, что существовал некий X-фактор, определявший культурное первенство Свердловска на территории Большого Урала. Города эти в советское время были вполне

³⁷ Пивоваров Д. В. Диалектико-семантический алгоритм: общая идея // Известия Урал. гос. ун-та. Серия 3. Общественные науки. 2011. № 2 (91). С. 5–10.

по размерам, промышленному развитию, административному статусу. Везде были театры, драматические и оперные, университеты с историческими и филологическими факультетами. Не было только у наших соседей одного факультета – философского. И это влияло на духовный профиль города, его место на культурной и политической карте страны. Особенно отчетливо это культурное первенство Свердловска проявилось во второй половине 80-х гг., во время перестройки. Чего-то подобного «Городской трибуне» не было ни в одном из провинциальных центров России. Чьих рук делом она была? – у истоков «Трибуны» стояли философы Г. Бурбулис, С. Стародубцев, В. Лукьянин, Л. Закс и примкнувшие к ним историки Ю. Кирьяков и И. Цалковский.

По моим подсчетам к началу 2000-х годов в городе было около ста докторов философских, социологических и политических наук, в основном – выпускники факультета прошлых лет или его аспирантуры. Если я не ошибаюсь, в середине 1960-х годов в городе было три (!) доктора философских наук – М. Н. Руткевич, Л. М. Архангельский и Л. Н. Коган. Причем в 1970-е годы двое первых уехали в Москву. Вокруг Л. Н. Когана, И. Я. Лойфмана, А. Ф. Еремеева, К. Н. Любутина, В. И. Плотникова, Д. В. Пивоварова, В. Е. Кемерова в 1980-е годы и в первой половине 1990-х сложились научные школы со своей тематикой, творческим почерком, успешным выпуском «продукции» – монографий, сборников научных статей, кандидатских и докторских диссертаций. А сколько подготовлено докторов наук за последние десять лет, кто-нибудь знает? Скорее всего – единицы. И, соответственно, на уровне гораздо ниже среднего находится состояние дел в нашем философском сообществе.

Проблемы с философией – и как с наукой, и как с составной частью системы образования имеют давние и разнообразные истоки. Можно даже предположить, что в России вообще не было национальной философии, за исключением краткого периода с 1880-х годов и до «философского парохода». Была горсточка талантов – Соловьев, Булгаков, Бердяев, Ильин, Лосский, Франк, Шестов, Флоренский, список открытый, но ограниченный, тем не менее. В остальное время была философия в России, но не было русской философии, а уж тем более – в светском варианте. Здесь уже Соловьевым, Бердяевым, Франком и Флоренским не отчитаться. Возможность появления и плодотворного существования национальной философии напрямую связана с цветением культуры. Маркс называл философию квинтэссенцией культуры, кристаллизацией ее внутреннего творческого потенциала³⁸. Когда я говорю о национальной философии, я имею в виду не особый

³⁸ Маркс К. Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1954. Т. 1. С. 105.

предмет или методы, а связь философии с культурной органикой общества. С точки зрения предмета и методов философия есть единое целое, не допускающее различий по национально-культурному принципу, как, впрочем, и любая другая теоретическая дисциплина. Единство ее теоретико-методологического (и, добавим, тематического) пространства – критерий научности философии, свидетельство принадлежности к определенной парадигме и эпохе. Поэтому нелепо говорить о русской диалектике или французском материализме, если только за этими названиями не скрывается перечень имен философов, внесших значительный вклад в развитие диалектического метода или материалистической теории бытия или познания, к примеру. Философы одного времени – участники своеобразного круглого стола с единой повесткой дня, несмотря на национально-культурные различия, которые в данном отношении имеют вторичное значение и не влияют на взаимопонимание, диалог и обмен идеями и подходами.

Поэтому когда я говорю об отсутствии национальной философии в России, я имею в виду, прежде всего, то обстоятельство, что у нас отсутствовала устойчивая и органическая связь между философией и культурой. Наши философы (доминирующий тип в философии) по большей части обсуждали проблемы, которые они поневоле заимствовали из «потусторонней» (зарубежной) реальности и которые в условиях российской действительности воспринимались как отвлеченности чисто умственного происхождения. Они были чужеродны не только низовому пласту русской жизни, который называют народной культурой, но и городской культуре образованного класса. Это была своего рода философская математика, которая требовала порой изрядной начитанности, изощренной техники осмысления и дискурсивного переложения, это было философствование о философии, ее началах и назначении, категориях, принципах и методах. Попытка научиться плавать на берегу, не бросившись в воду.

Чтобы связь между философией и культурой была органичной, необходимо обращение к актуальной культуре, в частности, к ее живому языку – литературе, в первую очередь, к театру, кино, музыке, живописи. Ко всему тому, в чем находит выражение душа нации, воплощается национальная идея, не изобретенная идеологами и декретированная правительством в качестве общеобязательной, а открывшаяся в культуре определенного времени человеку (человеческому типу), способному с помощью языка культуры заговорить об «основаниях» и смысле – жизни, мироздания, любви, смерти. В качестве примера: рождению и расцвету русской религиозной философии от Соловьева до Шестова, Федотова и Флоровского способствовала русская литература (Тургенев, Толстой, Достоевский),

музыка (Глинка, Чайковский, Мусоргский, Римский-Корсаков), театр Островского, Сухово-Кобылина и Чехова, живопись Федотова, Иванова и передвижников. Философия была лишь гранью и неразрывной частью этого культурного многоцветья.

Период марксистско-ленинской философии в советской России был временем не денационализации (интернационализации) культуры и философии, но – их архаизации, т. е. возвращения философского мышления к риторической традиции русской культуры с двумя ее (традиции) параметрами. Первое – это формула «общего места», задающая доминирование канона, перевес буквы над смыслом, слова над мыслью, а второе – тесная связь с литературой, художественной и религиозной, что было обусловлено литературоцентризмом русской культуры петербургского периода. Формула «общего места», заимствованная у риторической традиции, способствовала канонизации Учения, вследствие чего в рамках теоретико-методологического пространства советского марксизма уживались и относительно мирно сосуществовали самые разные направления, течения и школы, от вульгарного материализма до идеализма платоновско-гегелевской выделки. Одной из них стала «уральская философская школа» как региональное сообщество. Скрепляющим фактором единства этого пространства был Авторитет, персонально воплощенный в личности основоположников Учения, в их жизни и текстах. Этот Авторитет, а иначе – дух Учения, стоящий выше его буквы, выше любого текста, был сакральным по своей сути, отчужденным от носителей философского знания и предшествовал любому акту философского мышления, опосредствуя его. Он и был субъектом, а точнее, сверхсубъектом философии – в соответствии с установками Просвещения, критически разобранными Фуко в его «Археологии»³⁹. Марксистами называли себя все, но были марксистами – единицы вроде Батищева. Место же классической русской литературы заняла новая литература, которую большевики создали с помощью доктрины социалистического реализма⁴⁰. А религиозную литературу заменили тексты классиков марксизма и их продолжателей-интерпретаторов – идеологическая литература.

Под определяющим воздействием доктрины социалистического реализма и рожденной им советской литературы сложился способ философствования, связанный с Марксом лишь терминологически. Внутренне присущая ему телеологическая установка опосредствует обращение к реальности принципом восходящего

³⁹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад, 1994. 408 с.

⁴⁰ Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 262 с.

движения-становления⁴¹, и такое опосредствование есть не что иное, как метод материалистической диалектики в его действии. Пропущенная через призму восхождения, диалектического преобразования реальность обрела неузнаваемые черты, превращаясь не просто в абстрактный предмет науки, но в утопический конструкт, симулирующий действительность еще до всякого постмодерна.

Что осталось сегодня от прошлого, каковы те послышки, на которых может возникнуть новая философия? Их две: 1) маргинальный тип философа – носителя авторитарной установки и 2) «опустошенный», сведенный к канону теоретической работы «марксизм»; точнее, прежний способ мыслительной работы и производства текстов, во многом риторический и назидательный⁴². Это – далеко не лучшие предпосылки для нового, но – что есть, то есть. Как гласит эпиграф к повести Стругацких, ты должен будешь делать добро из зла, потому что здесь его больше не из чего делать.

Второй фактор, влияющий на состояние философии, – культурная ситуация. Это – область не моей компетенции, скажу кратко – нынешняя культура представляет собой власть дурного вкуса малообразованной толпы. Это не ортеговское восстание масс, приведшее к массовой культуре, это – производная от массовой культуры советского общества, разложение нравов и художественного вкуса той эпохи, вторичная переработка прежнего культурного материала под знаком «ретро». Это массовая культура, в основе которой лежат не классические образцы высокой культуры, а их репродукции; это репродукция репродукции, массовая культура во второй и третьей степени. Не знаю, уместно ли здесь слово «симулякр», оно звучит как комплимент. Может быть, точнее – по Булгакову: осетрина второй или третьей свежести.

Третий фактор – состояние образования. Есть правило: если вы хотите представить себе интеллектуальный облик страны через 15–20 лет, загляните сегодня в вузовские аудитории. К тому времени нынешние студенты станут основной производительной силой, это – будущие инженеры, врачи, педагоги, менеджеры, профессора, депутаты, министры и президенты. И надо признать, что образование сегодня, а особенно – высшее, во многом формальная процедура «высживания» диплома. Диплом, а не знания – вот цель обучения. Изменение цели образовательной работы для преподавателей высшей школы стало неожиданностью. Профессора и доценты некоторое время по инерции продолжали руководствоваться старой установкой – студент приходит в вуз, чтобы получить

⁴¹ Терц А. Что такое социалистический реализм // Терц А. (Синявский А.). Путешествие на Черную речку и другие произведения. М.: Захаров, 1999. С. 137–138.

⁴² Скоробогатый В. В. Безвременье и время философии. Екатеринбург: Урал. ун-та, 2014. С. 40–41.

знания, и потому использовали давно сложившиеся технологии обучения и соответствующие санкции вплоть до отчисления. Они не сразу заметили, что студенческая аудитория исходит из новой установки – получение диплома, не обусловленное обязательными успехами в освоении знаний. Главный аргумент студенческой аудитории – мы платим деньги за обучение, и этого вполне достаточно. Это же настроение достаточно быстро овладело и «бюджетной» частью студенческой аудитории. В итоге сложился очевидный конфликт установок и интересов преподавателей, с одной стороны, и студентов, платных, в первую очередь, и примкнувших к ним бюджетников, с другой. Администрация вуза встала на сторону студентов по многим причинам. Но главные – две: дополнительное финансирование за счет доходов от платного обучения и сохранение бюджетного контингента для благополучного отчета и сохранения ставок преподавателей и федеральных субсидий. Ворча, преподаватели подчинились этой политике ректората, чтобы не потерять работу (угроза сокращения ставок и финансирования) и сохранить определенный уровень доплат за работу с платными студентами. Иными словами, в итоге высшая школа пошла навстречу пожеланию «клиента»: за ваши деньги – все что угодно. Тесты вместо текстов и зачет вместо экзамена – последнее ноу-хау в технологиях образования в университете. Какой-то театр Дурова с дрессированными мартышками. Или очень большое ПТУ федерального значения. Даже средняя школа, меняя структуру ЕГЭ, попыталась от тестов – назад, к письменным работам. Особенность ситуации с преподаванием философии заключается в том, что это, с одной стороны, – сторона культуры, связанная с самопознанием человека, формированием человеческого в человеке, а с другой – учебная дисциплина. Философии нельзя научить, но можно – научиться. Этот уникальный статус философии, в отличие от химии или даже математики, ее органическая связь с культурой сказываются в том, что большая часть студентов ее «не воспринимает». Философия как лакмусовая бумажка почти мгновенно выявляет отсутствие должного, точнее – минимального уровня культуры у студентов университета. А без этого минимума невозможно не только изучение философии, но, в общем-то, – высшее образование как таковое. Ибо приставка «профессиональное» не отменяет общекультурных и интеллектуальных требований к желающему учиться в университете. Университет с его репутацией и маркой должен быть гарантом качества диплома.

Новации в организации учебного процесса в сторону его примитивизации и «раскультуривания», а точнее – дегуманизации, дополняют и продолжают процесс разрушения традиционных вузовских структур: сначала департаменты вместо факультетов,

а теперь уже и демонтаж департаментов. Фактическая ликвидация самоуправления на уровне факультета – тревожное явление. Даже в советские времена партийное собрание (по сути – актив преподавателей) было тем органом общественного самоуправления, с которым вынуждены были считаться и деканы, и ректор. Самоуправление – университетская привилегия с тысячелетней традицией, без нее нет университета. Властная вертикаль, делающая преподавателя и коллективы подвластными воле административных верхов, разрушает университет, лишает профессоров инициативы, самостоятельности, права на творческий поиск, оставляя за ними единственную обязанность – «беречь» контингент, не допускать двоек и отчислений, выбирать для этого такие «технологии» обучения, которые не препятствовали бы достижению главной цели «клиента» – получить университетский диплом без особых умственных усилий.

Таким образом, философская подготовка выпускников университета и аспирантов, а теперь уже и подготовка собственно специалистов-философов сведены к тому формальному минимуму, когда и то, и другое превращаются в чистую имитацию, порождая обман и самообман.

Сколько докторов философских наук будет в городе через 10 лет?

Несмотря на все вышесказанное, я обязан указать на выход – существует ли он, есть ли место для оптимизма? Я думаю, что – есть. Мы не первые, кто столкнулся с проблемой преодоления тоталитаризма, и есть опыт ее успешного решения. Оптимистический взгляд исходит из достоверного и нелицеприятного диагноза ситуации – куда идет Российская Федерация? Это вопрос, который Карл Ясперс, будь он жив, мог бы задать не только Федеративной Германии, но и в наш адрес. И мы должны задать его себе, чтобы наступило то будущее, которого мы хотим, а не то, что свалится нам на голову неизвестно откуда. На самом деле известно, откуда – из прошлого, которое мы так и не похоронили, а храним – и не только в мавзолее Ленина, но и во всех пороках нашей жизни, от вершин государства до рядовой повседневности.

Мы все в этом прошлом. И вырваться из него без трезвого философского осмысления – что мы такое, что мы можем знать и на что – надеяться, невозможно. Мамардашвили в лекции «Вена на заре XX века» сказал об этом прямо: «Здесь и сейчас ты должен извлечь смысл из опыта, чтоб он дурно потом не повторялся, должен завершить жизнь и возродиться или воскреснуть из обломков и пепла прошлого. Ибо прошлое мыслится в этом контексте как враг бытия и враг мысли, и мы – его жертвы, если этот гонг или звук трубы Страшного Суда неслышим и наш опыт здесь, на месте,

незавершаем. Незавершаемость опыта – отсюда вся тягомотина дурных повторений и бесконечных адовых мучений, когда нельзя умереть и нужно жевать один и тот же кусок, – это и есть Россия XX века. Гений повторений буквально разгулялся на российских просторах, как в дурном сне. А это означает, что, как и 150 лет назад, в свое время не был завершен опыт, что и тогда не умирали, чтобы воскреснуть, и поэтому продолжают умирать, и не могут умереть, а могут только молить о смерти»⁴³.

Говоря проще, назначение философии сегодня мало чем отличается от традиционного, и это – поиск истины. Но мы должны осознавать, что этот поиск совершается в особых условиях. Специфика нашей ситуации в том, что мы живем в мире систематической лжи, словно облако окутывающей все и вся, от высших этажей социальной иерархии до повседневного быта. Ложь (в виде обмана и самообмана) стала сознательным принципом поведения, социально- и культурно-психологическим хабитусом, обеспечивающим приспособление человека к сталинизированной реальности, которая до сих пор так и не затронута в своих основных, структурных чертах. С помощью лжи мы маскируем, скрываем от самих себя кардинальное обстоятельство – в нашем обществе царствует зло. И общество, и государство криминализованы в высокой степени, а массовое распространение коррупции на всех этажах и во всех сферах государственной, экономической и общественной жизни – только проявление системного и организованного характера этой криминализации. И возможно, что этот процесс – необратим, поскольку длится это не одно и не два десятилетия, а почти сто лет.

Ложь и зло, окружающие нас, – и последствия сталинизма, и знак его повсеместного присутствия в нашей жизни. Формы постытия сталинизма разнообразны, мы все погружены в этот тоталитарный космос, независимо от того, сознаем это обстоятельство или нет. Просветительства тут мало, необходима активная практика по изживанию сталинистского вируса в себе, в каждом шаге, в каждой мысли и поступке. По-чеховски, по капле выдавливая из себя раба, но не только: особенность послесталинского времени заключается в том, что перед каждым из нас стоит еще одна нелегкая задача – изжить в себе дракона (это – тема из фильма М. Захарова по пьесе Е. Шварца «Дракон»). Десталинизация – задача нашего времени, задача для каждого и для всех вместе, и в этом деле философское самопознание – единственный инструмент, поскольку, в отличие от Западной Германии времен Ясперса и Аденауэра, церковь не союзник философии в этой работе.

⁴³ Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. 2-е изд., дополн. и испр. М.: Изд. группа «Культура», «Прогресс», 1992. С. 398.

И потому проблема поиска истины из области гносеологии переходит в область практическую – как жить не по лжи!⁴⁴. Вместе с тем, проблема эта не политическая и даже не этическая. Конечно, она имеет и политические, и нравственные аспекты и следствия, но суть ее – в другом, глубже. Как писал И. Бродский в открытом письме президенту Чехословакии В. Гавелу, это проблема – экзистенциальная и антропологическая: «Не мне вам объяснять, что то, что вы называете «коммунизмом», было человеческим падением, а не политической проблемой. Это была человеческая проблема, проблема нашего вида, и потому она имеет затяжной характер. <...> Почему бы нам просто не начать с признания, что в этом столетии в нашем мире произошел чрезвычайный антропологический оползень, независимо от того, кем или чем он вызван? ... Человек опасен»⁴⁵.

В такой ситуации не помогут рецепты, от кого бы они не исходили – от Ясперса, Камю, Хайдеггера, Деррида, Фромма или Мангейма. Необходимо самостоятельное решение тех проблем, которые стоят перед обществом и каждым отдельным человеком. Понять человека и сделать это понимание духовным стержнем его жизни, достучаться до каждого. Не навязывать ему готовые формулы, а пробудить в нем стремление к самопознанию, о чем говорили еще Спиноза и Кант. Но для этого нужно найти свои пути и средства, отвечающие духовной ситуации нашего времени. В этом и состоит сегодня та задача философии, которая ставит сейчас ее в самый центр духовной, культурной и политической жизни, наделяет философию и тех, кто рискнул назваться философом, исторической ответственностью колоссальной тяжести. Это не вопрос о жизни и смерти, это гораздо серьезнее.

И насколько мы готовы эту задачу решать, похоронив факультет? Неужели остается один-единственный путь – путь сталкера, путь одиночки, идущего в Зону?

НОВОЕ ВИНО И СТАРЫЕ МЕХИ: ХРИСТИАНСТВО ПОСТСЕКУЛЯРНОЙ ЭПОХИ

Е. А. Степанова

Христианство на протяжении своей двухтысячелетней истории неоднократно изменялось под влиянием конкретного культурно-исторического контекста, в котором оно находилось. Возникнув

⁴⁴ Солженицын А. Жить не по лжи! // Солженицын А. На изломах: Рассказы. Крохотки. Публицистика. М.: АСТ, 2009. С. 516–517.

⁴⁵ Бродский И. Письмо президенту // Сочинения Иосифа Бродского. СПб.: Пушкинский фонд, 2000. Т. VI. С. 177–178, 179.